

ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ
ПИМКИН

ДУЛЬСИНЕЯ ОРЛОВСКАЯ

Виктор Пимкин
Дульсинея Орловская

«Издательские решения»

Пимкин В. А.

Дульсиenea Орловская / В. А. Пимкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-503766-4

Обычная, простая история, которая создана на основе подобных историй и подобных действительных событий. Герои этого романа жили рядом с нами так, что никто из нас не догадывался, что приключения происходят рядом.

ISBN 978-5-00-503766-4

© Пимкин В. А.
© Издательские решения

Содержание

2.2. Знакомство	17
2.3. Первое свидание	19
2.4. А жизнь продолжается	20
2.5. новое отделение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Дульсинея Орловская

Виктор Александрович Пимкин

© Виктор Александрович Пимкин, 2019

ISBN 978-5-0050-3766-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Виктор Пимкин

Дульсинея Орловская

Глава 1

**Вернуться, чтобы сказать
прощай**

– 1 Находка

Злой, колючий февральский ветер гнал поземку по заснеженной земле, с ожесточением набрасываясь на каждого прохожего, появившегося в этот недобрый час на деревенской улице. В центре, некогда многолюдной деревеньки, под названием Шеховцы, на самом краю местного глиняного карьера, одиноко стояла хата стариков Заверткиных. Возле нее, поеживаясь от сту-

денного ветра, топталась небольшая группа деревенских жителей. Они, перешептываясь между собою, с тревогой посматривали на дом стариков.

Возле хаты, в гордом одиночестве, ходил местный участковый, нервно курил папиросу одну за другой и, где окриками, а где и нецензурной бранью, отгонял прочь самых любопытных граждан. С минуту на минуту из областного центра должна подъехать следственная бригада.

А причина вызова милиции была довольно проста. Соседи заметили, что в доме стариков, почти неделю, было как-то подозрительно тихо. Несколько раз звали, стучали в дверь и окна, но никто не отзывался. Пытались заглянуть в подслеповатые окошки, но на них образовалась такая наледь, попробуй, разгляди что там.

Была и другая странность. После недавнего снегопада, вокруг хаты были следы только соседей, а вот следов самих хозяев не было видно. Судя по всему, никто из хаты не выходил, даже за водой. Соседи не смогли вспомнить, когда они в последний раз видели дымок над печной трубой.

Вот так стояли и делились своими наблюдениями и догадками, пока не подъехали служивые люди. Быстро опросили соседей, после этого один боец, взял из машины монтировку, подsunул один ее конец в щель дверного проема, слегка поднатужился, что-то там хрустнуло, скрипнуло, и дверь распахнулась.

Выбрав из толпы двух понятых, зашли через сени в хату. Хоть и день на дворе, но дневной свет так и не мог пробиться сквозь заиндевелые окошки вовнутрь дома, поэтому было темно и разглядеть все, что там происходило, не было никакой возможности.

Дали команду принести фонари, а пока ждали, напряженно прислушивались, но кроме гнетущей тишины ничего подозрительного не заметили. Наконец принесли фонари, включили и осветили хату. На первый взгляд, ничего необычного им не бросилось в глаза, все как у всех, обычное, ничем не примечательное деревенское жилье, с набором стандартной мебели. Видно по всему, что в доме давно не топили, уличный холод основательно застудил дом, все, что могло замерзнуть, замерзло. Все стены солидно обросли толстым слоем инея и приобрели серебристый оттенок, а когда на них падал луч света, они разом вспыхивали россыпью ледяных, колючих искр.

Прошли осторожно в комнату, ничего подозрительного не заметили, только кристаллики льда скрипели под ногами. Стол чистый, лавки пустые, возле русской печи лежат аккуратно мелкие щепки для растопки и торфобрикеты, в количестве достаточном для обогрева хаты в течение дня. Рядом с печью стоял столик, на котором пристроились керогаз и примус, да пара основательно промерзших оцинкованных ведер с водой, точнее уже со льдом. И опять, ничего подозрительного, все на месте, все чистенько. Складывалось впечатление, что хозяева буквально недавно вышли из дома и, забыв обо всем на свете, где-то с кем-то заболтались.

Осталось обследовать только русскую печь. Внутри ее было пусто. На нижней лежанке кроме овчинного тулупа, да пары валенок, ничего не было. Продолжили осмотр дальше и только там, наверху, на основной лежанке, проглядывался ворох, еще каких-то лоскутных одеял. Двое оперативников, переминаясь с ноги на ногу, тоскливо смотрели в сторону лежанки. Им предстояло лезть туда, чтобы окончательно установить истину. И они, как профессионалы, чувствовали, что ничего хорошего там не увидят, а как всегда, чье-то горе, чью-то трагедию.

Но делать нечего, эту работу за них никто не сделает. Кряхтя, проклиная свою судьбу, добрались до верхних полатей, сбросили одно одеяло, за ним второе и вот она картина человеческого горя предстало перед их взором. Два тела, два промерзших, ссохшихся тела, мужчины и женщины, точнее старика и старухи.

Они лежали, обнявшись так, что, скорее всего, можно предположить, что старики пытались согреть друг друга своим теплом, да так и заснули навечно. Криминалисты подтвердили эту версию. Следов насилия, как и суицида, ими не было обнаружено. Предварительное заклю-

чение, на бытовом уровне, звучало примерно так, что смерть наступила естественным образом от старости и смертельного переохлаждения.

Понятые, охая на каждом шагу, расписались в протоколе. Оперативники разрешили соседям разобрать по своим домам скотину, которая еще проявляет признаки жизни, при условии, что все это они сохранят и вернут законному наследнику.

Потом подогнали машину, погрузили покойников в кузов. Перед этим попытались как-то разъединить тела, но не получилось, то ли смерзлись, то ли просто присохли друг к другу. Решили, что если умерли так, то пусть пока так и останутся. Криминалист передал шоферу акт осмотра, и предварительное заключение, а также направление в морг для проведения судебно-медицинской экспертизы.

Машина ушла, а оперативники продолжили осмотр жилища. Сделали опись имущества и тех животных, которые забрали соседи на передержку. После этого опечатали хату и попросили соседей сообщить наследникам умерших о смерти родных, и предупредить их, что прежде чем войти в дом и заниматься похоронами, им надо прибыть в областной следственный комитет и получить все необходимые справки для оформления свидетельства о смерти и вступления в права наследования.

– В последний путь

Известно, что плохие вести всегда приходят к нам намного быстрее, чем хорошие. Суток не прошло, а единственный сын умерших, Ленька, уже знал, что потеряв отца и мать, он в одночасье стал круглой сиротой. Однако, как-то не верилось, что потерял близких навсегда, в душе было больше раздражения, что умерли старики в самое неподходящее время. Зима, холодно, в городе еще как-то сносно, а вот там, в деревне еще холоднее. Но делать нечего, надо ехать, никто там, кроме него, не похоронит умерших родителей.

Жена, найдя отговорку, категорически отказалась ехать вместе с Ленькой. Да и он не стал настаивать, выслушав нудные наставления своей благоверной, собрал нехитрые пожитки, отправился на Курский вокзал. Времени до отправления поезда было более чем достаточно, поэтому планировал по дороге забежать в пивную, взять там пару кружек пива с прицепом и тем самым, для начала, помянуть родителей. Не повезло. Жена, зная его слабость к алкоголю, решила сама проводить супруга до поезда и тем самым уберечь его от всяких приключений.

Конечно, как настоящая, верная подруга, должна в это скорбное время быть рядом со своим мужем, чтобы поддержать его, но ехать с ним, в промерзшую глушь, ну не было у нее никакого желания. К его умершим родителям сноха не испытывала никакой жалости. Они были для нее всегда чужими, поэтому, если и ездила к ним в гости, то считала это как повинность, а когда, кто-то из родителей приезжал к ним в гости в Москву, то считала это, как наказание Господнее и считала дни, часы, когда старики уберутся восвояси.

Увидев свою жену, Ленька понял, что начало поминок придется отложить. Он не стал просить свою супругу, чтобы та позволила ему хоть немного, хоть чуть-чуть выпить водки для снятия внутреннего напряжения. Знал, это бесполезно. Она не сжалится над ним и не позволит ему пригубить желанного зелья. Будет постоянно следить за ним и сама проверит, как ее благоверный сядет в вагон, а потом будет обязательно стоять на перроне до самого отхода поезда.

– Рутинка

Раннее утро, из плацкартного вагона скорого поезда вышла группа пассажиров и, поеживаясь от знойного, морозного, утреннего ветра, отказываясь от назойливых услуг носильщиков, молча, засеменяла по перрону областного вокзала. Выйдя на привокзальную площадь, она сразу полностью растворилась в толпе горожан. Одни уходили на привокзальную площадь, другие, в зал ожидания. Ленька зашел в здание вокзала.

Идти в областное управление МВД еще рано. Решил пока привести себя немного в порядок, все-таки из столицы прибыл и должен соответствовать образу Московского обывателя. Да и в буфет какой-нибудь надо заглянуть и чего-то там перехватить. Неизвестно, как день дальше сложится.

Потратив на все это примерно час времени, отправился пешком в областное управление, благо, что все рядом. Там, завершив все формальные дела и, получив необходимые справки, отправился в морг.

Но это была не последняя инстанция. Нужно было получить окончательное медицинское заключение о смерти родителей, потом бежать в ЗАГС, чтобы оформить свидетельство о смерти, а затем опять вернуться в морг. Заехать в магазин ритуальных услуг, заказать там гробы и прочие принадлежности, а главное, чтобы помогли с их доставкой, в том числе тел умерших.

Все шло, на удивление, без задержек, везде его встречали со словами соболезнования, старались быстро оформить необходимые документы и Ленька уже начал прикидывать, как он сможет быстро добраться до автовокзала. Но когда начал оформлять доставку, то на него как будто вылили ушат с ледяной водой. Диспетчер предупредил, что машин свободных нет. Будут, но только через месяц, и выжидательно поглядел на заказчика. Тот сразу понял, что без магарыча ему не обойтись. Добавил к основной сумме еще немного, и вопрос был решен. Его груз обещали доставить в ближайшие дни, лишь бы дороги не замело.

Все дела в городе были выполнены, так что сейчас он может отправляться в деревню для организации заключительного этапа ритуальных мероприятий. Нанять мужиков для копки могил на погосте, протопить дом, организовать, как положено, поминки. И только потом разобратся со скотиной, птицей.

Но самое главное, встретиться с председателем колхоза и уговорить его, чтобы колхоз выкупил родительский дом. Леньке опять срочно нужны были деньги. Жена недавно присмотрела какую-то вещицу из комиссионного мебельного магазина и очень хотела ее выкупить. Каждый вечер пилила его нещадно, призывая любым способом немедленно достать требуемую сумму, хотя прекрасно знала, что кроме своей зарплаты, которую тот получал на своем заводе, других источников у него просто не было.

Смерть матери и отца встретил, как это не кощунственно звучало, даже с каким-то облегчением. Какие-никакие, а все заботы, как с плеч долой, осталось только освободиться от всего наследства, превратить все нажитое в деньги и отбыть домой. Если все получится так, как и задумал, то он снимет денежную проблему, и жена перестанет какое-то время пилить.

Прибыв на автовокзал и купив билет на ближайший автобус, зашел в привокзальный буфет, чтобы утолить голод. Увидев какую-то заветренную, подозрительную еду, его желудок начал издавать разные звуки, требуя срочно накормить его. Голодными глазами смотрел на это скудное разнообразие, заказал несколько кусков пережаренной холодной свиной печени, да стакан теплого, сладкого чая.

И тут, как назло, увидел стоящие позади буфетчицы бутылки с крепленным вином неизвестного происхождения, которое среди своих друзей называли чернилами. Соблазн был великий. Стакан любого алкогольного пойла, в этот момент, был бы сейчас, как нельзя очень кстати. Но, зная свою слабость, решительно отказался от задумки, как-никак, но путь впереди не такой уж близкий.

После буфета, прошел в зал ожидания, нашел свободное место, устроился на жестком сиденье и стал внимательно слушать объявления диспетчера. Как долго сидел в зале, даже не мог себе представить, одно понял, что еще немного и усталость возьмет свое, он уснет крепким сном и проспит свой автобус, а это в его планы не входило.

Наконец, объявили посадку. Вот он автобус районного значения, точнее не автобус, а обычный, условно утепленный грузовой, бортовой, тентованный автомобиль. Зимние дороги

областного значения другой транспорт просто не выдержал бы, а вот ГАЗ пятьдесят один, тудяга, мужественно переносил все дорожные невзгоды. В кузове автомобиля народ, обложенный со всех сторон сумками и мешками, сидел плотно, хоть не совсем удобно, но так, казалось, было теплее.

– Путь домой

Часа через два с половиной, стылый автобус прибыл на конечную остановку. От долгого, неудобного сиденья у Леньки так затекли ноги, что еле спустился на землю. Только через некоторое время к ногам вернулось прежняя уверенная упругость, и он был готов идти дальше. Шагать до своей деревни предстояло прилично, и надо было спешить, чтобы успеть пройти этот путь засветло.

Приблизительно через час был у своей хаты. Сорвал пломбы с входной двери, зашел в дом, там, в полнейшей темноте, на ощупь, нашел керосиновую лампу, зажег ее, немного поправил фитиль и осмотрелся. То, что он увидел, не прибавило ему бодрости. Чтобы окончательно не замерзнуть, надо собраться силами и срочно растопить печь, хоть как-то согреть помещение, тем более к ночи мороз будет только крепчать.

Раскрыл двери настежь, чтобы выветрилась влага, разжег печь и только часа через два почувствовал, что его усилия были не напрасны, наконец, пошло тепло. С окон и со стен потекла вода, так что несколько раз приходилось проветривать хату. Через какое-то время в доме стало теплее и комфортнее, залез на печь и приготовил себе на ночь постель. Все, теперь можно было подумать и об ужине.

Взял лампу, прошел в погреб. Осматривая подzemелье, ему показалось, что родители, как будто предчувствовали свою кончину, приготовили все необходимое для поминального застолья. Ленька не стал больше рассматривать содержимое погреба, взял крынку с простоквашей, буханку черного, ноздреватого хлеба, шматок сала, несколько яиц и быстро вернулся в дом.

Хотел уже приступить к ужину, как услышал, что кто-то топчется в сенях. Еще немного и в хату вошла его родная тетка Матрена. Подвывая и причитая, высказала Леньке слова соборлезнования, передала ему в руки небольшой чугунок с горячей картошкой, да четвертинку мутнейшего, мерзко пахучего самогона.

Для него было странным увидеть ее в своем доме. Знал, что еще с давних времен, его мать и тетка враждовали между собой. Что разлучило их на всю жизнь, для всего окружения оставалось загадкой. Ленька пригласил ее отужинать, но она отказалась от угощения, только спросила все, что касалось похорон, и предложила свою помощь в организации поминок.

Следом стали приходить другие родственники и соседи. Сочувствовали, успокаивали, обещали помочь с похоронами. От этих слов на душе у Леньки стало спокойнее. Он понял, что его не бросят и помогут с похоронами и поминками.

Гости понимали, что день у хозяина сложился не из легких, ему надо отдохнуть. Поэтому долго не засиживались, быстро разошлись по домам, оставив хозяина в одиночестве.

Теперь он остался один и можно, наконец, приступить к ужину. Достал с полки граненый стакан наполнил его до краев теткинским самогоном, выпил и какое-то время восстанавливал дыхания. Было известно, что самый лучший самогон в деревне варила его мать, а вот самый худший, делала ее сестра, его тетка Матрена. Этот напиток не имел достаточной крепости, но зато имел убийственный, свой специфический вкус и запах. Можно было бы опять спуститься в погреб и там налить в кружку своего, домашнего самогона, но лень было идти туда, да и холодно.

Буханка хлеба, предварительно положенная им на печку, нагрелась и стала источать вкуснейший запах свежеепеченного хлеба, запах беззаботного детства и юности, запах, когда все были живы. И вдруг его охватила такая необъяснимая тоска, только сейчас стал понимать, какие в его жизни произошли необратимые изменения.

Ужин шел ни шатко, ни валко, очевидно это теткино пойло полностью отбило у него вкус еды, поэтому сам не понимал, что ест. Решил, что лучше закончить с едой и завалиться на уже прогретую печку. Но перед тем как забраться туда, запустил старинные настенные ходики, как память прошлой жизни. Пусть стучат, извещая всех, что в хате есть живой человек.

Эти ходики, чистая самоделка, которую его отец сам, своими руками, смастерил еще задолго до его рождения. Раз в год, он аккуратно перебирал ходики, смазывал детали чистым машинным маслом, собирал обратно часовой механизм, вешал потом их на прежнее место, и они опять весело продолжали отщелкивать свое время.

Все это время мать находилась рядом с отцом и внимательно наблюдала, как работает ее муж. Сама, в это время, бережно протирала деревянную панель часов, и с любовью разглядывала сюжет, вырезанный на ее поверхности. Временами отец присоединялся к матери, и они вместе смотрели на панель и о чем-то, своем, тихо переговаривались.

Ленька смотрел на своих родителей с недопониманием: «Ну, что интересного можно было найти в этой картинке». Какой-то средневековый замок. Циферблат часов, в правом верхнем углу панно, изображал, как бы диск солнца. Вот и все, но у родителей все это вызывало особое восхищение, до слез.

Только установил текущее время и направился к двери, чтобы закрыть ее на ночь, как она отворилась и в ее проеме появилась еще одна фигура запоздалого гостя. Она тихо проскользнула в хату, уверенно закрыв входную дверь на щеколду, затем проскользнула вдоль стены и плотно зашторила все окна, только после этого повернулась к хозяину.

Ленька смотрел на позднюю гостью и не мог узнать кто это. Ему не хватало света керосиновой лампы, и лишь приблизившись к ней, узнал свою первую любовь, Зинку. Пока смотрел на нее, она, не мешкая, выставила на стол четвертинку чистой настоящей водки, бутерброды с салом и вареным мясом, половинку небольшого вилка квашеной капусты и только после этого распахнула свой тулуп, давая понять, что теперь разрешает ему припасть к ее жаркому телу.

Усталость как рукой сняло, он смотрел на Зинку жадными глазами. Конечно, она была далеко не той смазливой деревенской девчонкой. Но именно сейчас ее тело приобрело более пышные, аппетитные формы, которые не портили впечатление о ней. Он опять видел в ней ту доступную, похотливую женщину, которая когда-то была готова выполнить любое его сексуальное желание. Она никогда не обижалась на Леньку, когда тот, пресытившись ею, буквально отталкивал ее от себя прочь, а если не понимала, то награждал ее тумаками.

Именно сейчас, она была такой желанной, что хотелось, как можно скорее оказаться в ее объятиях и исполнить с ней какую-нибудь эротическую фантазию. Сразу пошел к ней, и сбросил с нее тяжелый тулуп. Зинка осталась в байковом халате, Распахнув его, увидел, что там больше ничего не было, кроме ее нежно-розового, соблазнительного, зовущего тела.

Чтобы женщина не застыла, сразу погнал ее на печку, да и сам, лихорадочно сбросив свои одежды, полез следом за ней. Буквально сцепившись в единый клубок, то охая, то стона, катались по полатам из угла в угол, потом на какое-то время затихали, а через некоторое время все повторялось снова и снова.

Где-то среди ночи, Зинка вдруг засуетилась и заспешила домой. Боялась, что муж хватится ее, а потом будет, как сумасшедший, бегать за ней по всей деревне и размахивать вожжами. Ленька не возражал, он уже был пресыщен этой женщиной, еще мгновение и был готов выпихнуть ее в любом виде на улицу, надоела. Но, как бы сохраняя внешнее достоинство и подталкивая ее потихоньку к двери, говорил ей, что все было прекрасно, и он хотел бы встретиться с ней еще раз. А выпроводив ночную гостью за порог, тут же, со вздохом облегчения, закрыл дверь, залез обратно на печку, накрылся одеялом и сразу уснул.

Зинка тихо вернулась домой, но муж уже заметил ее ночное исчезновение, немного поучил ее верности, да так, что ближайшую неделю она не могла появиться не только на улице, но и у своего любовника.

На днях похороны родителей и надо их проводить достойно. Чтобы потом не было пересудов, Ленька позвал всех, кто мог придти к нему домой и помянуть его отца и мать. На поминки обещал приехать сам председатель колхоза. Надо с ним переговорить о продаже дома, узнать какие документы надо подготовить в этой связи. Похороны прошли быстро, и на поминках также долго никто не засиживался.

На следующий день Ленька был весь в заботах. Скотину и птицу пристраивал. Правда, предварительные переговоры с соседями показали, что они оказались настоящими жмотами. Ведь знали, что он не сможет забрать живность с собой в Москву, нагло сбивали цену, а если получалось сторговаться, то просили солидной отсрочки. Но это уже Леньку не устраивало, так как знал, что обманут, поэтому приходилось стоять на своем и требовать немедленной оплаты живыми деньгами.

Наконец соседи сжалились и забрали всю живность. Получив с них деньги, упаковал их в потайной карман, что был пришит к трусам настоящими суровыми нитками. Считал, что там самое надежное место от лихих людей. Себе оставил только самую малую сумму наличных денег, чтобы оплатить обратный проезд до самой Москвы.

Из всех вещей выбрал только то, что на его взгляд, было самым ценным. Остальное можно было бы раздать на память родственникам, но пожалел, как-никак мать это барахло всю свою жизнь собирала и берегла. А поскольку через несколько месяцев ему придется опять возвращаться в деревню, чтобы оформить продажу хаты, то решение по остальному имуществу отложил до следующего раза.

Затем спустился в погреб, посмотрел, что можно из продуктов забрать с собой. По всему было видно, родители хоть и кряхтели от старости, но крестьянская жилка заставляла их заниматься заготовкой, да и умирать-то, как было видно, до последних дней никто не собирался. Запаслись продуктами в таком количестве, что за год не съесть. Хорошо бы все забрать с собой, думал Ленька, иначе пропадет все, но как это сделать?

Ясно одно, что одному, на себе все это добро не вывезти. По-хорошему, надо где-то нанять грузовую машину и разом перевести все домой, в Москву. Вспомнил, что Зинкин муж, его бывший школьный друг, Володька, работает в колхозе шофером, часто ездит в областной центр и даже в столицу. Так, что надо идти к нему и просить, помощи. Чтобы начать успешные переговоры, взял с собой пару бутылок домашнего первача, кусок сала, небольшую банку квашеной капусты.

Как только начало темнеть, вышел из дома, спустился с горочки, дошел до нужного ему дома, постучался в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в сени. Навстречу выбежала встревоженная Зинка, и шепотом проговорила ему, что ждет возвращение мужа. Она, молча, разглаживала на себе какие-то невидимые складки, поправляла косынку на голове и пыталась как-то скрыть свежий синяк под глазом, свидетельство того, что муж недавно учил ее жизни. Ленька успокоил ее, что этот визит не к ней, а к ее мужу, его другу детства. Есть дело, и он надеется, что друзья ему помогут.

В сенях раздался шум, дверь распахнулась, на пороге появился Володька. Он с подозрением оглядел всех присутствующих, как будто ждал от них очередного подвоха. Ленька понял состояние своего друга и сразу изложил ему суть своего прихода. А чтобы снять напряжение и какие-то недомолвки предложил для начала отметить их встречу.

Зинка сразу подхватила это предложение, пригласила мужиков к столу, сама засуетилась возле печи, розожгла примус, поставила на него сковородку, положила туда куски сала, накро-

шила репчатого лука, а затем расколола штук шесть яиц. Нарезала и подала на стол хлеб, выложила в тарелку квашеную капусту и, наконец, выставила граненые стаканы.

Володька, как только увидел стаканы, так сразу приободрился, глазки застлала маслянистая поволока. Он ждал того момента, когда в стаканах появится то, ради которого все здесь собрались. Ленька, сразу обратил внимание на странную реакцию друга и понял, что хоть и сам имеет слабость к огненной воде, но друг его оказался еще слабее.

Для начала поставил пока одну бутылку и стал тонкой струйкой разливать в стаканы содержимое бутылки. А пока наполнялись стаканы, наблюдал, как глаза друга жадно следили за Ленькиными манипуляциями. Наконец, все стаканы наполнены. Зинка сразу подошла к столу, вместе с мужиками подняла свой стакан, чокнулась с ними, отпила глоток и вернулась к своим делам. Яичница уже готова, пора подавать на стол, да картошку, туда же, пока еще горячая.

Первачок сделал свое дело, снял напряжение, и пошла беседа своим чередом. Говорили о многом, а в целом ни о чем. Гостя интересовал только один вопрос, как перевести свое имущество. А чтобы хозяин был сговорчивее достал вторую бутылку. Друг действительно стал еще сговорчивее, обещал, что поможет ему по старой памяти, как-никак друг детства.

Бутылки пусты, пора расходиться. Гость решил свой вопрос и может теперь со спокойной совестью возвращаться домой, ложиться спать, а завтра, с утра, займется упаковкой вещей. Но прежде чем отправиться домой помог Зинке вытащить ее благоверного из-за стола и уложить на кровать за печкой. Володька настолько опьянел, что не мог уже самостоятельно передвигаться, ноги стали ватными и совсем не слушались его.

После этого, Ленька надел пальто и пошел на выход. Провожая гостя, хозяйка сказала, чтобы тот, когда придет домой, не запирает входную дверь в свою хату, она через полчаса забежит к нему по делу.

Ленька возвращался домой, под его ногами звонко скрипел подмороженный ночной снег, а воздух, быстро выветривал из организма остатки алкоголя. Он забыл, когда вот так, беззаботно, один гулял по ночной, деревенской улице. Через несколько дней вернется с Москву, и не с пустыми руками. Его хата рано или поздно будет продана и он больше никогда сюда не вернется, и теперь, тема деревенской жизни останется в далеком прошлом.

Вспомнил, что Зинка обещала заскочить к нему, хотел было отказать ей, но остановил себя, мало ли что, обидится на него, что отверг ее и скажет мужу, чтобы тот, не дай Бог, расторг договор. Впрочем, она баба справная, скрасит напоследок еще разок его деревенское одиночество. В какой-то миг, ему даже стало стыдно, что опять наставит рога своему другу детства, но потом успокоил себя, посчитав, что с Володьки не убудет, да и ему не привыкать.

Ленька вспомнил, как в юности Зинка однажды так ему опостылела, что сам откровенно всучил ее в Володькины руки, а тот, зная обо всех ее похождениях, не побрезговал, принял в свои объятия, и сразу женился. Она не противилась, не раздумывая, сразу дала согласие и вышла за него замуж, однако от своих привычек так и не смогла отказаться.

Володька знал, что когда Ленька возвращался в деревню на каникулы, Зинка бегала к нему на свидание, и не только к нему. Она, со спокойной совестью, могла залезть в чужие штаны. Потом со смехом рассказывала своим товаркам, какими достоинствами и недостатками обладал очередной ее любовник. Муж знал о ее похождениях, учил ее регулярно, но все безрезультатно. Выгнал бы, да не мог представить свою жизнь без нее, уж больно сильно любил свою блудницу, поэтому все ей и прощал.

Только успел Ленька вернуться в свою хату, зажечь лампу, да занавесить окошки, как следом за ним влетела запыхавшаяся Зинка и бросилась к нему на шею, срывала с себя и с него одежды и тянула в постель. Спешила заняться с ним любовью, так как боялась, что вдруг проснется ее благоверный, заметит ее отсутствие и сразу сообразит, к кому она убежала и опять

начнет ее учить. То, что отвесит несколько тумачков, это ее мало беспокоило, как-то привыкла, а вот то, что мог наставить ей синяков на видном месте, как-то было неудобно перед товарками.

Ленька был ее первым мужчиной, с ним она начала заигрывать еще в шестом классе. Сама затаскивала его в темный угол и разрешала тискать и лапать себя, а по настоящему, повзрослому отдалась ему в начале седьмого класса. Когда он уезжал надолго в город, чтобы учиться там, в индустриальном техникуме, то Зинка на время его отсутствия находила замену, так как уже не могла долго оставаться без мужчины. Из всех мужиков Ленька оказался самым лучшим любовником, поэтому, когда тот возвращался в деревню, то всегда старалась найти время, чтобы заняться с ним любовью. Даже выйдя замуж за его лучшего друга, она все равно находила момент и сбегала от своего законного супруга, чтобы броситься в объятия своего первого любовника.

Время встречи закончилось. Зинка недовольная этим, вылезла из горячей постели, быстро оделась и шустро побежала домой, гадая, какой будет завтра день, с тумачками или без них. А когда она, наконец, ушла, Ленька встал следом с постели, облегченно вздохнул, и закрыл за ней дверь. После этого, потянулся и отметил для себя, что все было хорошо, но на этот раз ему любовных приключений было более чем достаточно.

На следующий день продолжил собирать вещи, упаковывал их узлами, и складывал в углу комнаты. Из погреба принес продукты, которые также думал забрать с собой. Правда не все получится вывезти, многие вещи останутся в хате до следующего его приезда. Да и не все продукты он сможет также увести с собой, понимал, что они наверняка здесь пропадут. Жалко, а что делать, там, в Москве, у него нет такого вместительного погреба. И в квартире тоже хранить не получится, все пропадет.

А пока, чтобы защитить хату от непрошенных гостей, принес ящик с инструментом, затем доски и принялся заколачивать крест-накрест все оконные проемы, двери, ворота, все, что может закрываться и открываться.

Вечером зашел Володька и сообщил, что ему разрешили выезд в Москву и оформили путевой лист, так что они могут послезавтра заняться перевозкой вещей. Ленька хотел было предложить выпить по стаканчику самогонки, но гость отказался, сославшись на то, что всегда перед дальней дорогой он несколько дней воздерживается от приема любого алкоголя. Затем попрощался и пошел к себе домой.

Оставшись в одиночестве, решил перекусить всем тем, что осталось с поминального стола. Плесканул в стакан немного первача, выпил, закусил. Вроде бы основное все сделал, но на душе как-то было пусто. Никому вдруг стал не нужен, и пожалеть его некому, и от этой пустоты даже выть захотелось.

Его взгляд блуждал по всей комнате, и вдруг остановился на маленьком сундучке. Он помнил его еще с детства, там лежали какие-то бумаги, которые тогда не вызвали у него никакого интереса. Хотел продолжить осмотр дальше, но что-то остановило его и заставило вернуться и заглянуть в этот таинственный сундучок.

Память не обманула его. Действительно там лежало большое количество различных бумаг, увидев которые желание прочесть их сейчас или просто просмотреть моментально пропало. Под ворохом бумаг, заметил, какую-то старую, потертую жестяную коробку с царскими вензелями, но не помнил, что там было.

Любопытство взяло верх. Освободив поверхность стола, высыпал все содержимое коробки. Перед глазами замелькали какие-то уже выцветшие старинные фотографии, письма, справки, почетные грамоты, удостоверения и несколько медалей, среди которых, Георгиевский крест, орден Красной звезды, медаль «За боевые заслуги», и прочие различные почетные значки и юбилейные награды.

На первый взгляд то, что он увидел дальше в коробке, не представляло, лично для него, никакого интереса. Уже хотел забросить весь этот мусор в печку, чтобы потом сжечь, но в последний момент передумал и отложил все это в сторону на потом.

Наконец весь груз был добротнo упакован, можно, уже не боясь за его сохранность, загружать в машину и отправлять домой. Времени было более чем достаточно, поэтому решил вернуться к коробке и продолжить изучение ее содержимого.

В первую очередь обратил внимание на награды. Одна была еще с царских времен, остальные, с советских, там же лежали и удостоверения к ним, военный билет, еще какие-то справки, а на самом дне небольшая пачка писем, написанные, как он предположил, его матерью и его отцом.

Взял в руки первое письмо. Оно было написанное рукой отца, а когда начал читать его, то не поверил, что так может выражать свои мысли обычный, как он считал, безграмотный, деревенский мужик. Это письмо, как и другие, начиналось со слов: «Здравствуй моя дорогая, прекрасная Дульсинея Орловская!».

Глава 2

Как все это началось

2.1. Волонтер

Шел тысяча девятьсот шестнадцатый год. Российская империя, выполняя свой союзнический долг перед странами Антанты, продолжала вести на полях первой мировой войны боевые действия против армий Кайзеровской Германии и Австро-Венгерской империи. На улицах Российских городов, особенно губернских, было теперь много военных. Все увеселительные заведения города вечерами заполнялись чаще людьми военными, им оказывалось большее почтение, нежели посетителям в штатском.

Через город проходила железнодорожная магистраль Южного направления. По ней каждый день перемещались различные составы военного назначения. В тех эшелонах, в которых ехали солдаты в сторону фронта, раздавались заливчатские песни, а если состав останавливался на станции, то военный люд сразу высыпался на перрон. Одни, по деловому, искали, где взять кипяток или прикупить для себя дополнительные продукты, а те, кто уже успел понюхать пороху и познал на передовой почем фунт лиха, опытным взглядом сразу определяли, где можно было достать настоящий самогон. Другие, самые шустрые, успевали в каком-нибудь укромном уголке зажать и потешиться с краснощекой молодухой.

Совершенно противоположная картина смотрелась, когда возвращались те же эшелоны с фронта. Составы медленно подходили к перронам и, будто боясь потревожить кого-то, плавно останавливались.

У каждого вагона уже стояли наготове санитары с носилками, на которые осторожно укладывали тяжелораненых и уносили в здание вокзала. Тех, кому медицинская помощь оказалась уже ненужной, относили в сторону. Ходячие раненые, самостоятельно шли на привокзальную площадь.

Всех живых раненых рассортировывали по видам ранений и на подводах развозили по госпиталям. В эти дни горожане старались обходить вокзал стороной, не каждый мог спокойно смотреть и слушать людскую боль.

Повозки с ранеными одна за другой сновали по всем улицам и переулкам. Горожане, среди которых встречались, в основном, женщины простого сословия, тихо смотрели на эту процессию и тяжело вздыхали.

Многих привело сюда не простое житейское любопытство и сострадание, а скорее всего надежда увидеть кого-то из своих родственников. Они выкрикивали имена и вглядывались

в лица раненых солдат, пытаясь за окровавленными бинтами разглядеть только им знакомые черты своего человека. Если кому-то повезло, и он вдруг узнавал среди серо-зеленой, окровавленной массы своего, из толпы раздавался звук облечения, повезло, что живой, а раны, даст Бог силы, затянутся.

Среди этой разномастной толпы стоял семнадцатилетний волонтер Иван Заверткин, уроженец Орловской губернии, выпускник профессиональной школы, построенной для детей всех сословий на пожертвования Московского купца Гавриила Гавриловича Солодовникова, о котором ходили различные легенды, как о его скупости, так и о щедрости великого мецената.

Как только началась война, Иван несколько раз обращался к различным военным начальникам, с просьбой зачислить его добровольцем в армию. По годам он был еще далек от призывного возраста, хотя внешне гляделся достаточно взрослым человеком.

Через год он повторил свою попытку, но и она оказалась не удачной. Вести с фронта приходили неутешительные, и молодой человек считал, что его место на передовой. Как многие юноши он думал, что с его участием Русская армия сразу разобьет врага и победоносно пройдет по его территории. Он все настойчивее обивал пороги различных военных ведомств. Однажды, в обход адъютантов, вышел на самого генерал-губернатора, и, благодаря его протекции, Ивана зачислили волонтером при штабе сборного пункта Орловского военного округа.

Его сразу предупредили, что пока ему не исполнится девятнадцать лет о фронте, чтобы и не думал. Сейчас будет служить при штабе сборного пункта. Именно здесь, из числа новобранцев и бывших раненых, годных к строевой службе, формировали новые подразделения, которые после прохождения военной подготовки и переподготовки отправляли на фронт.

Ивана поставили на довольствие, отвели место в казарме для младшего командного состава, выдали полный комплект новой военной формы, включая нижнее белье, портянки, новые яловые сапоги, В течение двух месяцев, как положено, прошел полный курс молодого бойца.

В целом он особо не выделялся из общей солдатской массы, был такой же, как и все. Единственное отличие, по которому узнавали, что он вольнонаемный, это то, что у него не было погон, соответственно не было и воинского звания. Однако этот недостаток не давал ему каких-либо послаблений по службе, к нему предъявлялись точно такие же жесткие требования, как и ко всем солдатам. А поскольку он служил при штабе, и был постоянно на виду у самого высокого начальства, то первое время соответственно и шишек ему доставалось намного больше, чем другим.

Первое время иногда его посещали мысли, что поспешил и действительно слишком рано сам напросился на настоящую воинскую службу, но постепенно научился ходить строем, слушать и четко исполнять, без рассуждений, команды старшего начальника, следить за своим внешним видом и многое другое. Особое внимание уделял огневой подготовке. Постоянные занятия на стрельбище и в тире, выполнение специальных тренировочных упражнений и практических стрельб из стрелкового оружия различных систем сделали из него настоящего снайпера.

Часто слушал рассказы бывалых солдат, которые успели понюхать порошу, узнали сильные и слабые стороны противника, на себе познали, что такое оборона и что такое штыковая атака. Особенно был благодарен тем, кто показывал и обучал его приемам рукопашного боя. Он с удивлением узнал, что с винтовкой и примкнутой к ней штыком можно идти в атаку только на открытом месте, а вот в окопах она бесполезна. По их мнению, для этих целей нужно другое оружие, что-то среднее между палицей и штык – ножом.

Иван записывал рассказы бывалых солдат, подробно составлял описание оружия, которое они использовали в рукопашном бою при штурме вражеских окопов. А потом уединялся, где-нибудь в сторонке, и там, по-своему, вырисовывал различные варианты нового штурмового оружия, после чего выносил свои задумки на суд ветеранов. Не все, получалось удачно, неко-

торые варианты фронтовики сразу встречали, что называется, в штыки, но потом, когда накал страстей снижался, оппоненты успокаивались сами и просили молодого изобретателя продолжить свои работы.

Через полгода в этом волонтере уже нельзя было узнать того провинциального слушателя реального училища. Он заметно окреп, раздался в плечах, голос стал более басовитым, а речь стала намного рассудительнее.

2.2. Знакомство

В свободное от службы время, посещая различные публичные места, не раз замечал, как за ним внимательно следили девичьи глаза молодых санитарок из гарнизонного госпиталя. Его старшие товарищи, заметив пристальное внимание женской половины в сторону молодого волонтера, шуточно подталкивали его и предлагали действовать. Но Иван только краснел и старался как-то отвлечь друзей от своей персоны.

Друзья не могли успокоиться, что в их компании находится единственный девственник, и каждый раз подтрунивали над ним. Однажды, по случаю дня рождения волонтера был организован пикник, а после него веселая, шумная компания завалилась в местный бордель для младших чинов. Виновник торжества хотел по-тихому покинуть компанию, но друзья не позволили это сделать. В качестве подарка, пригласили для именинника девицу, под аплодисменты и улюлюканье отправили пару в номера, а через некоторое время торжественно встретили их бурными аплодисментами. Девица, при всей честной компании, жеманно подтвердила, что их юный друг перестал быть девственником и имеет теперь полное право находиться в среде старых распутников. Получив свое вознаграждение, томной походкой прошла в зал, села вместе с другими девицами в ожидании очередного клиента.

Дня через три, после посещения заведения, Иван почувствовал неприятную боль в паху, которая проявлялась при мочеиспускании. Поделился с друзьями, а те хоть и успокоили его, мол, ничего страшного нет, но все же посоветовали, пока не поздно, срочно обратиться в госпиталь.

Делать нечего, в тот же день, в сопровождении товарища, пришел в военный госпиталь, а пока искали нужного им доктора, с Ивана прямо сто потов сошло. Он не знал, куда деться от стыда. Ему казалось, что весь люд, с которым он встречался на городских улицах, весь медицинский персонал смотрел на него, и с ехидной усмешкой показывал пальцем в его сторону.

Наконец, нашли нужного доктора. Он заставил пациента полностью раздеться, а пока осматривал, изливал в его адрес такой поток нецензурной брани, которую Иван никогда раньше и не слышал. Потом приказал, кому-то сидящему за ширмой, приготовить все необходимое для обработки больного, а пациента заставил прилечь на кушетку. Через несколько минут, из-за ширмы вышла она, светлое, невинное создание.

В глазах Ивана все завертелось, его охватил такой стыд, что хотелось сразу провалиться в тартарары. Ведь рядом с ним находилось божество, а он лежит на кушетке в таком непотребном виде. Девушка, не обращая внимания на его смущение, протерла ягодицу спиртом и вколола в нее приличное по объему болезненное лекарство, а когда стала обрабатывать гениталии, то ему хотелось немедленно застрелиться. Такого позора он не испытывал никогда, а доктор, не обращая ни на кого внимания, в этот момент отпускал сальные, замысловатые комментарии и безудержно смеялся.

Процедура была закончена, доктор дал последние наставления и приказал через три дня прибыть к нему для повторного осмотра, а завершая беседу, рекомендовал больше не посещать сомнительные, дешевые заведения. Отметил, что в этот раз волонтеру очень повезло, но в следующий раз больше так уже не получится. А чтобы ему было более понятно, приказал медсестре провести этого молодого дон Жуана через кожно-венерологическое отделение, чтобы он сам, своими глазами мог увидеть, какие ужасные последствия могут ожидать его от необдуманных походов.

Как только принудительная экскурсия была завешена, Иван выскочил сразу на улицу, на свежий воздух, и побежал в ближайшие кусты. Его буквально всего выворачивало наизнанку, казалось еще минута и он предстанет перед судом Всевышнего. Постепенно сознание возвращалось к нему, но тошнотворный запах гниющих тел, казалось, так и застрял в нем

навсегда. В этот момент он желал уйти отсюда, как можно скорее, и больше здесь не появляться.

Вместе с ним на улицу вышла и медсестра, Она недавно окончила курсы медсестер, и ее назначили сразу в это отделение. Она никак не могла привыкнуть к этой работе. Ей казалось, что в госпитале будет спасать жизнь и здоровье раненых героев солдат, однако ее направили туда, где лежали военнопленные, разных рангов и званий, получивших свою грязную, заразную болезнь не на полях сражения, а в постелях с падшими женщинами.

Несколько раз обращалась к главврачу госпиталя с просьбой перевести ее в другое отделение, но от нее отмахивались, как от назойливой мухи. Хотела отказаться, однако не имела права, так как должна подчиняться приказам командира.

Девушка стояла рядом с молодым человеком, и ей было по-человечески жаль его. Хотела помочь ему, и, хоть как-то облегчить его страдания, так как сама хорошо помнила свое состояние, когда впервые увидела весь этот кошмар. Каждый раз шла на работу, как на Голгофу. Ей было тяжело находиться в этом отделении, за это время, она так и не смогла найти в себе каплю искреннего сострадания к таким пациентам, однако в отношении Ивана, как это не было странным, не испытывала чувства отторжения.

Все это время Иван стоял и не знал, что делать дальше. Он стыдился своей слабости, так опозориться перед девушкой еще раз. Глазами искал своего товарища в надежде, что тот поможет ему выпутаться из этой истории, но тот куда-то исчез. Пришлось как-то самому выкручиваться и подыскивать слова, чтобы сгладить впечатление перед молоденькой медсестрой.

Но девушка опередила его и, разорвав молчание, просто сказала, что зовут ее Дуня, что ей шестнадцать лет, и, чтобы ее приняли в госпиталь, она приписала к своему возрасту еще два года. Очень хотела работать в госпитале и помогать раненым солдатам, а заодно получить специальность медсестры. Рано или поздно, война закончится, и надо думать о будущем. А когда рассказала, что она родом из деревни, которая, находится всего в десяти верстах от деревни Ивана, то молодые люди так обрадовались этому, как будто каждый из них встретил своего родного человека.

Но раздался крик доктора. Увидев свою помощницу, приказал ей немедленно возвращаться в отделение и заняться делом, а всю свою болтовню с молодым человеком она может продолжить в свое личное время, после ужина. Это оказалась для них подсказкой, и они сразу договорились встретиться вечером.

Вернувшись в свое расположение, Иван услышал громкий смех сослуживцев, это тот, кто его сопровождал, рассказывал всем, притом со всеми подробностями, как молодому волонтеру оказывали в госпитале медицинскую помощь. Конечно, многое в рассказе друга, так ему показалось, не соответствовало действительности, но если где-то привирал, то звучало это и лихо, и весело. Друзья Ивана не только громко смеялись, но кое-кто даже завидовал ему и говорил, что хотел бы оказаться на месте пострадавшего.

2.3. Первое свидание

Никогда Иван не ждал так вечера, как в этот раз. Он спешил на свое первое в жизни свидание, с самой красивой девушкой на свете. Сразу после ужина обратился к старшине с просьбой отпустить его до отбоя из расположения подразделения, а получив разрешение, бегом отправился в сторону госпиталя.

Последние метры до места встречи, чтобы восстановить дыхание, преодолел пешком. Вот и крыльцо, но там никого не было. На душе сразу стало как-то грустно. То, что Дуня сможет его обмануть и не придти на свидание, не верил, не такая она. А пока перечислял, какая она, девушка, наконец, появилась на крыльце. Переминаясь с ноги на ногу, смотрела по сторонам, а увидев Ивана, отбросив все условности, побежала к нему.

На их лицах сияли счастливые улыбки и такая неподдельная радость, что глядя на них со стороны, можно было подумать, что они не виделись, целую вечность. Взявшись за руки, пошли в сторону парка и гуляли там по безлюдным, заснеженным аллеям.

Но все хорошее быстро заканчивается, наступило время прощания, договорились о следующей встрече, а перед тем как уйти, Дуня, неожиданно для себя, поцеловала своего спутника в щеку и побежала в госпиталь. Прежде чем скрыться за дверью госпиталя, девушка остановилась на мгновение, оглянулась в его сторону, махнула рукой и сразу, как будто растворилась. А он стоял, и на душе стало так хорошо, что захотелось вдруг обнять весь мир.

После этого, как только выпадало свободное время, молодые спешили на свидание. Встречались, как всегда, в одной из аллей госпитального парка.

Зима шла к своему закату, а на смену ей наступала весна. Снег просел, и на открытых местах начали появляться проталины, их с каждым днем становилось все больше и больше. На реке шел ледоход, горожане высыпали на берега и наблюдали, как здоровые льдины, ломая друг друга, величаво проплывали через весь город и скрывались где-то вдали.

В это время раненые солдаты и офицеры, которым разрешили самостоятельно передвигаться по коридорам госпиталя, а так же совершать короткие уличные прогулки, спешили покинуть пропахшие карболкой опостылевшие палаты. Они спешили к реке, чтобы полюбоваться мощью и величием ледохода.

Никто не мог толком сказать почему, но внутренним распорядком прогулки в госпитальном парке были разрешены только раненым офицерского состава, а вот нижним чинам появляться там категорически запрещалось. Им было отведено для прогулок другое место, немного подальше. Это требование распространялось и на представителей всех нижних чинов и сословий. А поскольку и Иван, и Дуня были выходцами из крестьян, то и им, во избежание скандала, следовало бы найти другие места для прогулок. Впрочем, это их несколько не расстроило, сейчас затаенные уголки парка были для них наиболее привлекательными, нежели открытые людные места.

Именно там, вдали от парадных аллей, было спокойно и тихо, никто не мешал им слушать, как пробуждается земля после зимней спячки, чувствовать, как ее капилляры наполняются живой силой, наблюдать, как с наступлением тепла, она стремительно покрывается зеленым ковром, а следом и деревья наряжались в зеленые листочки.

2.4. А жизнь продолжается

Весна творила свои чудеса не только на улице, ее живительная сила проникала и в госпитальные палаты. Именно в это время раненые интенсивнее шли на поправку, в их израненные, измученные тела возвращалась жизнь. Еще вчера многие из них пластом лежали на больничных койках, и кто-то из них уже готовился к разговору с Богом, а сегодня, все как будто заново родились, им хотелось не просто жить, а что-то новое творить.

Вместе с этой животворящей силой в них просыпалась и природная сила молодецкая, а вместе с ней и тоска, и накопившийся голод по женскому телу. Каждый мечтал встретиться со своей настоящей или воображаемой подругой, чтобы в тиши ночи излить в нее всю накопившуюся страсть и желание обладать ею.

Девушки из медицинского персонала стали замечать, как у многих раненых начала пробуждаться мужская сила, и, чтобы не спровоцировать их на неадекватные действия, старались в это время не кокетничать и не заигрывать с ними, не задерживаться у постели больного больше, чем это требовалось.

Каждый раз, так на всякий случай, девушек предупреждали, что среди пациентов госпиталя мало найдется тех, кто желал бы завести серьезные отношения с кем-то из них, так как у многих раненых были свои семьи. Но вот некоторые, когда идут на поправку, и сила возвращается в их израненные тела, не прочь завести короткую любовную интрижку. Поэтому, как павлины, распушив свои хвосты, старались обратить на себя внимание и добиться к себе благосклонности молоденьких медсестер и санитарок.

И не дай Бог, если на пути новоявленного влюбленного появлялся соперник. Страсти бушевали и переходили все допустимые границы. Порой, не смотря ни на что, отношения между соперниками доходили от простого, банального рукоприкладства, до настоящей дуэли.

Подобные конфликты чаще всего разгорались там, где находились на излечении офицеры, представляющие элиту царской армии. Правда, госпитальное начальство смотрело на такие стычки сквозь пальцы. А вот в отделениях для низших чинов, подобные волнения не допускались. Там строго следили за исполнением дисциплины и не допускали никаких вольных отношений к женскому персоналу. Эта несправедливость объяснялась довольно просто. Солдат – есть обычный расходный материал, которого было достаточно в России, а вот офицер – это уже другой материал, голубая кровь, которую надо беречь.

Все раненые из офицерского состава, которые поступали именно в этот госпиталь, были представителями только дворянского рода из числа самого высшего сословия. Всегда, когда в губернский город прибывали царственные особы, они, первым делом, наведывались, с благотворительными целями, именно сюда.

Поэтому, начальник госпиталя в первую очередь требовал от своих подчиненных постоянно поддерживать соответствующий порядок. Он готов был приставить к каждому офицеру персональную сиделку, лишь бы исключить возможные жалобы и даже смотрел сквозь пальцы, если отношения раненого с девушкой из младшего персонала не соответствовали некоторым этическим нормам.

Еще при организации госпиталя, его начальник считал, что женский персонал должен не только оказывать раненым квалифицированную медицинскую помощь, но всем своим видом благотворно влиять на настроение раненых. В этой связи, еще тогда, по всей губернии был брошен клич о наборе молодых девушек, которые пройдут специальные курсы медсестер и санитаров и будут работать в различных медицинских военных учреждениях. При их отборе кандидатов на должность медсестер и санитарок учитывалось не только их способность к обучению, но больше всего обращалось внимание на их внешние данные.

И надо отдать должное, многие девушки, свободных от брачных уз, отозвались на этот призыв. В назначенный день у ворот госпиталя уже стояла толпа, желающих поступить на курсы и посвятить себя делу спасения защитников Отчества. У большинства претенденток, особенно из глубинки, было стремление получить хорошее образование, а вместе с ним и специальность, а у некоторых желания были проще, найти для себя надежного или выгодного во всех отношениях спутника жизни, выйти за него замуж и завести своих детей.

Отбор первых курсисток в свой госпиталь, начальник проводил лично, по своим критериям и не ошибся, выбрал, на зависть другим, самых настоящих красавиц. Правда, с некоторыми позднее приходилось расставаться, ибо в их головках царила только одна сплошная пустота.

Когда девушки приступили к работе, то было такое ощущение, как будто в палатах солнце вошло. При виде красавиц, раненые, как по команде переставали кричать и стонать от боли, быстрее шли на поправку. Ожидаемый эффект, превзошел все ожидания.

Однако со временем, как только пошли первые раненые, число медсестер и санитарок вдруг стало сокращаться. Сначала никто не задумывался, почему это происходит, только потом догадались. К сожалению, не у всех раненых была возможность вернуться обратно в строй, многим из них предстояло доживать свой век инвалидом, порой просто беспомощным. Понимая это, кто-то из них воспринимал свое новое состояние, как трагедию и искал способы прервать свое нахождение на этой земле.

Вывести из депрессии помогла только постоянная забота об израненных душах, и надо отдать должное милосердию юных особ, это помогало. Они отвлекали раненых от мрачных мыслей, давая им надежду на будущее. У некоторых отношения укреплялись настолько, что те уже не могли представить себя друг без друга.

Как только состояние раненого стабилизировалось, его выписывали из госпиталя и отправляли домой. Не редки стали случаи, когда бывшего раненого добровольно сопровождала домой его медсестра, и оставалась у него там, навсегда. А как складывалась дальше их жизнь, уже никто не знал. Свято место, пустым не бывает, на место выбывших девушек приходили новенькие, и все, как и прежде, продолжало идти своим чередом.

2.5. новое отделение

В связи с весенней распутицей на фронте несколько снизилась активность боевых действий, уменьшилось число раненых, но вместо этого увеличилось число пострадавших от переохлаждения, инфекционных заболеваний, включая и кожно-венерологические заболевания. Пришлось создавать срочно специализированные отделения и в этом госпитале.

Был объявлен новый набор добровольцев для заполнения свободных вакансий во всех военных госпиталях. Дуня в числе добровольцев пришла на сборный пункт и ее, вместе с другими девушками, зачислили на курсы медсестер. После обучения, направили в губернский госпиталь, а там, по распределению, сразу попала в только что открытое, новое кожно-венерологическое отделение. Она хотела было отказаться, но заведующим уговорил остаться, заверив, что это направление очень перспективное и будет востребовано и после окончания войны.

Конечно, заведующим понимал, что таким молодым особам, притом красивым, в отделениях подобного типа не место, но с другой стороны считал, что только они, милые создания, способны напоминать грешникам, как те губят мир.

Надо отдать ему должное, он бескорыстно опекал юную особу, посвящал во все тонкости и секреты данной профессии, но главное, оберегал ее от всех назойливых, похотливых, домогательств пациентов, в том числе и мужского персонала госпиталя. Когда-то у него была своя семья, жена и дочка, почти невеста. Но однажды, в одночасье, остался один, сначала потерял жену, сгорела как свечка от лихорадки, а потом распрощался и с любимой дочерью, она трагически погибла от рук насильника.

Жениться второй раз не захотел, женский пол его уже мало интересовал. Он сам себя добровольно записал в клуб закоренелых холостяков. Отсутствие женского внимания компенсировал тихими одиночными посиделками, ипил горькую, пока не отключится сознание. На следующее утро измученный тяжелым похмельем, проклиная все, зарекался, что больше в рот не возьмет эту гадость, но проходило несколько дней, и зеленый змий снова напоминал о себе.

Как только прошла весенняя распутица, на полях сражения снова возобновились военные действия. Можно было не читать сводки, достаточно было только взглянуть на нескончаемые обозы, направляемых в сторону госпиталей, и становилось понятным, что войне опять нужны огромные человеческие жертвоприношения.

В этот раз в госпиталь поступило огромное число раненых офицеров, мест в палатах уже не было, приходилось размещать раненых, где только возможно, даже в подсобных помещениях и в коридорах. Чтобы решить эту проблему, пришлось сокращать и уплотнять отделения, в которых лежали нижние чины. Освободившиеся палаты тут же приводили в порядок и только после этого размещали там вновь прибывших раненых офицеров.

Вскоре все свободные места опять были полностью заняты, а поток раненых не прекращался. В начале осени, в коридорах опять появились дополнительные койки. Госпитальное начальство было вынуждено пойти на крайние меры – прекратили у себя прием, всех нижних чинов.

Глава 3

Не все, что блестит – есть

Золото

3.1. Пациенты

Однако и этого было недостаточно. Оставалось одно помещение, точнее отдельно стоящее небольшое здание, в котором располагалось кожно-венерологическое отделение. Начальник госпиталя был уже готов закрыть и это отделение, как непрофильное, и отдать его для

размещения настоящих героев, получивших ранения на поле брани. Но такое отделение, с таким профилем, в округе было единственным, и закрытие его могло вызвать непредсказуемые последствия. Губернское и госпитальное медицинское начальство ломало свои головы над этой проблемой, рассматривая различные варианты.

Однако, неожиданно-негаданно, проблема нашла свое разрешение. На имя генерал-губернатора поступило высочайшее распоряжение, в котором предписывалось принять на излечение в губернский военный госпиталь трех офицеров, представителей ставки Верховного Главнокомандующего, во главе со штабс-капитаном, бароном фон Кохом. Они должны быть размещены отдельно от всех пациентов госпиталя. Обслуживание, питание и лечение должно быть организовано по высшему разряду.

К распоряжению были приложены амбулаторные медицинские карты на каждого высокопоставленного пациента, на основании которых был сделан вывод, что в ближайшее время именно это отделение не будет менять своего основного профиля. Так что осталось только поменять мебель, постелить новое постельное белье, приодеть медицинский персонал и можно принимать столичных гостей.

Те, кто постоянно интересовался столичной жизнью, знали, что старший группы штабс-капитан барон фон Кох принадлежит к древнему германскому обрусевшему роду, который верой и правдой служил Российской короне еще задолго до Петровских времен.

Его друзья, представители различных, достаточно известных, но обнищавших древних дворянских родов, были также представлены при императорском дворе. Было件нятно, что они, не имевшие за душой ни гроша, примкнули к штабс-капитану, в надежде, что тот поможет им занять достойное положение в высшем обществе. Именно этот союз помог им завоевать расположение великих фрейлин, а потом через них войти в окружение самой императрицы и получить ее монаршее покровительство.

Служба не была для них обременительной. На первом этапе, им приходилось выполнять различные поручения великих дам, затем доверили их сопровождение на все светские мероприятия, а позднее, им уже позволили играть при них роль милого друга. Вскоре они стали своими при дворе, успели обзавестись необходимыми связями, и теперь уже другие искали возможность обратиться к ним с просьбой по тем или иным щекотливым вопросам.

Но через какое-то время великосветская жизнь для друзей становилась скучной и противной, их души требовали перемен. Как только выдавалась свободная минута, эта троица, в поисках приключений, буквально вырывалась на свободу и стремительно объезжала все значные места северной столицы. Несмотря на то, что империя находилась на военном положении, а в столице был введен комендантский час, эти ограничения не касались самих молодых людей. Они, находясь вдали от линии фронта, вели распутный образ жизни. Практически любой великосветский скандал не обходился без их участия. Об их похождениях ходили разные слухи и легенды

Через какое-то время они доходили до самого двора и ушей самой матушки императрица. Молодых людей незамедлительно приглашали на ковер в царские покои, где она и стыдила, и грозила строгим наказанием. Те сразу бросались к ногам императрицы, искренне каялись в своих грехах, обещали, что это в последний раз и молили о пощаде. Александра Федоровна была отходчивой женщиной и прощала молодых людей. Потом обращалась к своим фрейлинам с просьбой взять над ними опеку и помочь им встать на путь исправления.

Через какое-то время все повторялось вновь, их журили и тут же прощали. При дворе многие удивлялись такой безнаказанности. Других бы за такое поведение сразу бы заковали в кандалы и отправили на каторгу, или изгнали бы на вечное поселение, где-то в Сибирь. Однако этим молодым повесам опять все сходило с рук.

За время несения службы при дворе им все так опостылело, и чтобы выпустить пар, искали и находили для себя новые приключения. Сначала все шло на уровне шутки, или без-

обидного розыгрыша. Но постепенно им хотелось уже других, более острых ощущений, вплоть до кровавых игр. Старшие товарищи предупредили, что такая шалость, исполненная здесь, в столице, им выйдет боком, и рекомендовали выехать на фронт, где можно найти массу развлечений, в том числе сыграть в русскую рулетку и принять участие в какой-нибудь войсковой операции.

Это гениальное предложение молодые люди встретили на ура! Договориться в Генеральном штабе о выезде на фронт для них не составляло особого труда. Им предложили осуществить инспекционное обследование одного из участков Южного фронта, там в последнее время Российские военные части ведут более активные и успешные боевые действия. После поездки они должны будут представить военному совету свой доклад о положении дел.

Правда, слова «Осуществить инспекционное обследование одного из участков фронта» не прибавили им бодрости, но их успокоили, сказав, что доклад для них уже подготовлен. Для убедительности, им надо только немного помелькать в окопах, а об остальном не беспокоиться. Необходимые поручения на места уже отправлены.

И действительно, как обещали, слово «инспекция», в данной ситуации, было просто прикрытием. На самом деле, для них устраивали обычные пьяные оргии. Каждый день, обозами, привозили различные спиртные напитки, фирменные блюда из местных ресторанов, но помимо этого, им каждый день доставляли еще и девочек из близлежащих приличных публичных домов.

Однажды, на одном из участков фронта, утром допрашивали пленного австрияка, который назвал имя своего командира. Штабс-капитану оно показалось знакомым. В юности, когда учился еще в кадетском корпусе, у него был товарищ, с которым он устраивал различные проказы, и доводил тем самым своих преподавателей и воспитателей до смертельного удара. Ему захотелось встретиться с ним, да и попить, как бывало тогда.

Но как узнать, что это он. Докричаться, не получится, далековато, на той стороне не поймут. Пройти через нейтральную полосу тоже не получится, как только он посмеет высунуть свою голову из окопа, так какой-нибудь снайпер обязательно выстрелит ему точно промеж глаз. А это, естественно, не входило в его планы.

Пока думал, да гадал, день начался, как и другие дни, с шумного застолья, которое продолжалось без перерыва до поздней ночи. Но этого оказалось мало. Хотелось свершить что-то такое, героическое. Штабс-капитан позвал к себе своих верных собутыльников и предложил им прогуляться до австрийских позиций и узнать тот ли у них командир, с которым он когда-то дружил в кадетском корпусе.

Никто не ожидал от столичных гостей, что они по-настоящему собрались идти в окопы врага. Пока доложили по инстанции, что делать и ждали указаний, три «героя», держа в руках, как гранаты» бутылки с вином, без звука, пошли к вражеским окопам.

Командир батальона, который держал оборону на этом злополучном участке, понял, что пока он будет согласовывать свои действия с вышестоящим начальством, офицеры ставки точно окажутся в плену и тогда скандала ему точно не избежать. Дело точно трибуналом пахнет, во всем обвинят его.

Инстинкт самосохранения сработал быстро. Комбат приказал командирам первой и третьей рот незамедлительно выдвинуться к вражеским окопам, и, не поднимая шума, блокировать штабных офицеров и не дать австриякам возможность взять их в плен.

Поскольку операция проводилась спонтанно, задача до ротных подразделений была доведена не совсем ясно. Командиры взводов и солдаты восприняли эту команду, как ночное наступление на австрийские позиции. Стремительно, не поднимая шума, прошли нейтральную полосу и неожиданно для противника оказались в его окопах.

Австрийцы не ожидали такого подвоха от своего противника, тем более знали, что в последние дни русские на этом участке не вели никаких активных действий, а отмечали у себя

какое-то событие. Еще днем доложили по инстанции о действиях русских, но им приказали сидеть тихо и не обострять ситуацию.

Таким образом, бездействие австрийцев обернулось для них внезапным, позорным поражением. В ходе неожиданного наступления русских, были взяты в плен солдаты и офицеры Австро-Венгерской империи, верной союзницы Кайзеровской Германии, большое количество оружия и боеприпасов.

Кроме того, в ходе успешного наступления русских войск, был захвачен также и солдатский бордель. Были попытки тут же воспользоваться услугами жриц любви, но полковой фельдшер сразу остудил горячие головы, объяснив необходимостью проверить их сначала на наличие кожно-венерологических заболеваний.

Но это никоим образом не устроило виновников ночной атаки. Они считали, что бордель это их законный приз, и они вправе первыми решить, как с ним поступить. Что и кому они пытались доказать, но с пьяных глаз заключили пари, что переспят со всеми немецкими жрицами любви. Сказали и сделали, а после этого продолжили пьянство с новой силой.

Через несколько дней молодые люди почувствовали проблемы со здоровьем. Им бы сразу собрать свои вещи и обратиться к специалистам, но понадеявшись на советы бывалых людей, оттягивали визит к врачу. Первое время все неудобства заглушали алкоголем. Какое-то время это помогало, но потом поняли, что без медицинской помощи им уже не обойтись.

Быстро собравшись, отбыли в столицу, но там, в узком кругу, об их подвигах уже знали и каким безрассудным подарком они себя сами наградили. Там, в верхах, назревал колоссальный скандал, поэтому, чтобы избежать наказания их отправили как можно дальше, с глаз долой. Так они оказались в Орловском военном госпитале.

Для губернского и госпитального начальства это поручение свалилось, как снег на голову. Кроме указания принять новых пациентов по высшему разряду, предупредили, что это дело находится на особом контроле самой императрицы.

Несколько дней суеты, волнений и отделение, по местным стандартам, было готово принять важных пациентов. Возмутился и противился только один человек, заведующий отделением. Он не мог понять, зачем этих придворных щеголей направили именно к ним, в глушь, а не оставили у себя там, в столице, где полно подобных учреждений и именитых специалистов в этой области. Но ему никто не ответил, так как такие приказы не обсуждаются, а исполняются.

Вскоре специальный правительственный поезд прибыл в губернский город Орел и доставил высокопоставленных пациентов, ради которых был поднят весь этот шум. Вместе с ними прибыли и их денщики. Они деловито выгружали из вагона хозяйский багаж и аккуратно грузили его на телеги.

На встречу с делегацией вышел сам генерал-губернатор. Он лично, как было ему предписано, сопроводил высоких гостей до госпиталя и передал их в руки самого начальника военного лечебного учреждения, а тот, не мешкая, проводил новых пациентов до самого отделения и передал гостей в руки заведующего, который тут же пригласил их в свой кабинет. С первого взгляда ему было понятно, что их болезнь стала следствием обычной половой распущенности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.